

Воздействие права на социальные отношения: предмет и методы

М. А. Капустина

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС».

Адрес: АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»,
194044, г. Санкт-Петербург, Смольячкова ул., д. 16.

E-mail: mkapustina@list.ru

Impact of Law on Social Relations: Subject and Methods

M. A. Kapustina

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the AN HEO «University associated with IA EAEC».

Address: AN HEO University associated with IA EAEC»,
16 Smolyachkova Str., Saint Petersburg, 194044, Russian Federation.

E-mail: mkapustina@list.ru

Поступила 10.08.2025 Принята к печати 21.08.2025

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем предметной направленности правового регулирования и используемых в современных условиях методов воздействия на юридически-значимые социальные отношения. На основе системной методологии и мониторинга новейшей судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и Федеральных арбитражных судов обоснована необходимость переосмысления места субъекта права в механизме государственно-нормативного управления. С привлечением литературных источников показаны уязвимые в теоретическом и практическом плане моменты «механистической» концепции правового регулирования, в которой внимание сосредоточено на совокупности властно-принудительного инструментария. Одновременно раскрыты преимущества системного подхода к предмету и методам воздействия права с точки зрения его гуманистической составляющей. Применение методов структурного анализа, индукции и дедукции, юридической герменевтики и компаративистики в их диалектической взаимосвязи позволило сделать выводы по заявленной в названии статьи теме и сформулировать новые научные положения. В выводах автор предлагает переосмыслить характеристику социальных отношений, на которые направлено правовое регулирование в условиях современных реалий, и доказывает, в том числе на примерах конкретных судебных дел, объективную необходимость использования в методах нормативно-управляющего воздействия современных технологий, прежде всего информационных. Включенность информационных и антропотехногенных средств взаимодействия в социальные отношения расширяет границы предмета правового регулирования, что должно учитываться в методах нормативно-управляющего воздействия при сохранении правовой автономизации и недопущении «растворения» юриспруденции в смежных с ней областях регулирования.

Ключевые слова: нормативно-управляющее воздействие права, предмет правового регулирования, методы правового регулирования, нормы права, социальные отношения, антропотехногенная сфера, информационные технологии, субъект права, адресат правового воздействия, системная методология, механизм правового регулирования, состав правонарушения, структура правового отношения, практика Верховного Суда Российской Федерации, практика арбитражных судов Российской Федерации, судебные извещения.

Abstract

The article is devoted to the study of the problems of the subject focus of legal regulation and the methods of influencing legally significant social relations used in modern conditions. Based on the systemic methodology and monitoring of the latest judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Federal Arbitration Courts, the need to rethink the place of the subject of law in the mechanism of state-normative management is substantiated. With the involvement of literary sources, vulnerable theoretical and practical aspects of the "mechanistic" concept of legal regulation are shown, in which attention is focused on the totality of the authoritative-coercive instruments. At the same time, the advantages of a systematic approach to the subject

and methods of influencing law, from the point of view of its humanistic component, are revealed. The use of methods of structural analysis, induction and deduction, legal hermeneutics and comparative studies in their dialectical relationship made it possible to draw conclusions on the topic stated in the title of the article and formulate new scientific provisions. In the conclusions, the author proposes to reconsider the characteristics of social relations, which are the focus of legal regulation in the context of today's realities, and proves, including using examples of specific court cases, the objective need to use modern technologies, primarily information technologies, in the methods of normative-management influence. The inclusion of information and anthropogenic means of interaction in social relations expands the boundaries of the subject of legal regulation, which should be taken into account in the methods of normative-management influence while maintaining legal autonomy and preventing the "dissolution" of jurisprudence in related areas of regulation.

Keywords: normative and governing impact of law, subject of legal regulation, methods of legal regulation, legal norms, social relations, anthropogenic sphere, information technology, subjects of law, addressee of legal impact, a systems methodology, mechanism of legal regulation, composition of an offense, structure of a legal relationship, practice of the Supreme Court of the Russian Federation, practice of arbitration courts of the Russian Federation, judicial notices.

Содержание и институционально-отраслевая структура предмета правового регулирования и методы нормативно-управляющего воздействия остаются дискуссионными вопросами правоведения в теоретическом и прикладном ключе. Поводом для обсуждения выступает и проблема соотношения отраслей и институтов норм права с кодифицированными и некодифицированными отраслями и институтами законодательства, особенно с учетом специфики двухуровневой правовой системы в условиях федеративного устройства российского государства.

Весь накопленный человечеством правовой опыт свидетельствует о сложности и многоаспектности регулирования социальных отношений. Так, А. В. Серегин указывает, что «коллегияльные органы земских древнеславянских общин, городов-государств и могущественных феодальных держав, представленные в виде вечевых собраний или сословных соборов, принимали значительные межотраслевые нормативно-правовые акты, охватывающие большинство сфер социальных отношений» [9. – С. 30]. Право, несмотря на разницу во взглядах на его природу, структуру, форму выражения и способ обеспечения, рассматривается в контексте управления поведением людей на основе установления равного масштаба свободы выбора решений. По этому поводу И. А. Иванников пишет: «Реализация принципа равенства граждан перед законом и судом во многих странах мира еще далека до идеала» [5. – С. 15]. Регулятивный потенциал права актуализируется в обстоятельствах объективно необходимого взаимодействия и сотрудничества субъектов для сохранения жизнеспособности общества, его развития в условиях ограни-

ченных ресурсов, внешних или внутренних угроз его существованию.

Властно-принудительные возможности государства, профессионально отточенные веками государственного строительства, создают почву для представления правового регулирования в качестве создаваемого законодателем целенаправленного управленческого механизма воздействия на те отношения и поведение, которые в текущий исторический момент имеют юридическое значение. Учитывая аппаратный характер публичной власти даже при сохранении ее социальной природы, право в механистическом ракурсе видится отчужденным от человека принудительным инструментом государственной машины. Критика такого подхода, безусловно, не должна приводить к обесцениванию ценности государства и его роли в становлении, развитии и сохранении цивилизации. В то же время «механизация» правового порядка затемняет гуманитарную цель нормативно-управляющего воздействия на социальные отношения, акцентируя внимание на обязательности установленных правил, законности действий и государственном принуждении в случае отступления от юридических норм.

В некотором смысле методологически причина превращения человека в объект государственного воздействия коренится в самом термине «предмет», который традиционно используется для характеристики направленности правового регулирования. Определение предмета правового регулирования через общественные отношения приводит к логическому включению участников регулируемых правом отношений в структуру предмета нормативно-управленческого воздействия в качестве адресата воздействия. Однако, становясь адресатом юридической нор-

мы, человек не перестает быть субъектом права, а права человека остаются ценностным ориентиром для государственного функционирования и объектом правовой охраны. Результативность правового воздействия детерминирована не только юридико-техническими качествами механизма государственного регулирования. Она зависит от осознания субъектом смысла юридических установлений, его правокультурной установки на выполнение нормативных требований, стремления человека использовать свои права. Деятельностный аспект механизма правового регулирования раскрывает системные связи между его элементами – нормами, правовыми отношениями, актами реализации прав и обязанностей, правоприменительными решениями.

Подобный подход подтверждает и практика Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Так, постановлением от 12 мая 2025 г. №5-АД25-19-К2 судьи ВС РФ С. И. Кузьмичева были изменены постановление мирового судьи, решение районного судьи и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении гражданина по делу об административном правонарушении в области дорожного движения – невыполнении обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием, согласно статье 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Судьей ВС РФ действия гражданина были переквалифицированы с вмененного ему нижестоящими судами состава «оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия» (ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ) на состав «невыполнение водителем обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием» (ч. 1 ст. 12.27 КоАП РФ). Основанием переквалификации стал не принятый во внимание судами трех инстанций, но установленный судьей ВС РФ факт отсутствия в действиях гражданина – водителя – умысла на совершение административного правонарушения в части оставления места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся.

Несмотря на формальное нарушение запрета на перемещение транспортного средства после дорожно-транспортного происшествия (п. 2.5 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090; далее – ПДД), в данном случае намерения нарушить указанное правило у водителя не

было, т. е. отсутствовал такой элемент состава правонарушения, как вина в форме умысла. Это с очевидностью подтверждается обстоятельствами дела. Водитель остановил транспортное средство не буквально на месте, где произошло столкновение с другим транспортным средством, а в нескольких метрах от него для того, чтобы освободить проезжую часть и не создавать препятствий движению других транспортных средств (п. 2.6.1 ПДД). Правонарушение заключалось в невыполнении водителем требований пункта 2.6.1 ПДД в части необходимости до перемещения транспортного средства с места столкновения зафиксировать при помощи фото- или видеосъемки положение транспортных средств после происшествия относительно друг друга и дорожных объектов, следы и повреждения от столкновения. Следовательно, нарушение подлежит квалификации в соответствии с составом, предусмотренным частью 1 статьи 12.27 КоАП РФ.

Остановка транспортного средства рядом с местом столкновения во избежание дорожного затора, несомненно, не должна интерпретироваться как оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия. Признание важности правильного использования приемов толкования в процессе юридической квалификации и правовой аргументации решения по делу находит отражение в юридическом образовании, в частности, в обособлении в ряде вузов таких учебных дисциплин, как «Толкование права и закона» и «Юридическая герменевтика». Буквальное толкование, использованное сотрудником ГИБДД при составлении протокола об административном правонарушении и судами трех инстанций при оценке действий гражданина по соблюдению/несоблюдению им нормы-запрета, в рассмотренном примере было неприемлемо. В то же время расширительное и ограничительное толкования таят в себе дискрецию (от лат. *discretio* – усмотрение) должностного лица, осуществляющего правоприменительную квалификацию поведения лица в качестве правомерного или неправомерного. Баланс возможен при системном подходе к регулируемым правом сферам социальных отношений и методам правового воздействия, прежде всего запретам, возложению позитивных обязанностей на субъектов и предоставлению им прав.

На системность регулирования обращают внимание в юридической литературе [3; 1]. Характеризуя предмет регулирования через качественно однородные общественные отношения,

их правовую форму представляют как трехэлементную систему, включающую субъектов, объект и содержание. Устанавливая юридическую норму, орган государственной власти определяет систему «если (гипотеза) – то (диспозиция) – иначе (санкция)». Создавая кодифицированный акт, законодатель формирует систему общего и специального регулирования, например, в уголовно-правовой сфере, и, соответственно, объединяет в общей части кодекса правовоположения, имеющие значение для всей совокупности отраслевых отношений, а в особенной части дифференцирует правовое регулирование применительно к отдельным видам и подвидам отраслевых отношений. В то же время системность правового регулирования обеспечивается межотраслевыми институтами (юридическая ответственность, договор), которые, несмотря на отраслевую специфику, обладают общеправовыми свойствами.

Включение в предмет правового регулирования отношений между людьми в политической, экономической, религиозной, языковой, этнокультурной, спортивной сферах, с одной стороны, и, с другой стороны, поведение человека в связи с научно-исследовательскими разработками, созданием и эксплуатацией техники и технологий, освоением космоса и мирового океана привели к необычайному усложнению и расширению области нормативно-управляющего воздействия, необходимости привлечения в юриспруденцию и интеграции в ее рамках результатов антропологических, социолингвистических, психологических, математических, кибернетических, статистических и других неюридических (с точки зрения структуры научно-практического знания) исследований.

Сегодня юридически значимая деятельность не может регулироваться в отрыве не только от духовного и политико-экономического, но и от антропо-техногенного контекста. Использование людьми самых разных информационных, промышленных, атомных, транспортных, финансовых, медико-биологических технологий требует адекватного наполнения правового инструментария, обеспечивающего механизм регулирования отношений между субъектами. В связи с тем, что, во-первых, правовое воздействие – это всегда передача информации (сначала на глиняных табличках или глашатаями, позже в газетах, по радио и телевидению, а в наши дни прежде всего в интернете), во-вторых, информационные права с конца XX в. фактически определяют правовой

статус личности, правосубъектность лица, из всех технологий наиболее востребованными в механизме правового регулирования являются, бесспорно, информационные.

Информационные технологии, средства передачи сведений и документов обеспечивают правовое воздействие на всех его этапах. Судя по практике ВС РФ, сегодня особую актуальность приобрел вопрос применяемых российскими судами способов уведомления лиц и направления им судебных документов. Так, определением ВС РФ № 305-ЭС25-1701 от 19 июня 2025 г. по делу № А41-93046/2021 отменены решения апелляционного и кассационного арбитражных судов, которыми гражданину отказано в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу апелляционной жалобы. Основанием для отмены решений нижестоящих судов послужил установленный ВС РФ факт нарушения судом апелляционной инстанции процессуального порядка извещения лица о проведении судебного заседания.

В целях разрешения споров о надлежащем уведомлении лица или о направлении лицу документа суды изучают реестры сформированных почтовых отправлений и отчеты об отслеживании отправлений. Указанные документы создаются в электронном формате с помощью онлайн-сервисов акционерного общества «Почта России», печатаются и приобщаются к материалам судебного дела. Из рассмотренных ВС РФ обстоятельств дела № А41-93046/2021 следовало, что нижестоящие суды установили факт надлежащего извещения гражданина на основе имеющихся в материалах дела реестра сформированных почтовых отправлений и отчета об отслеживании почтового отправления по номеру почтового идентификатора. Согласно почтовым документам, судебное извещение было направлено гражданину, но возвращено в суд в связи с истечением срока хранения, потому что гражданин за извещением не явился в пункт вручения – отделение почтовой связи.

Между тем ВС РФ обратил внимание на всего двухминутную разницу между указанным в отчете об отслеживании отправления по номеру почтового идентификатора временем передачи почтальону судебного письма и отметкой о неудачной попытке его вручения гражданину. Эти сведения должны были вызвать, как указал ВС РФ, «обоснованные сомнения» в отношении факта получения гражданином информации о судебном

письме (определение ВС РФ № 305-ЭС25-1701 от 19 июня 2025 г. по делу № А41-93046/2021). Более того, в рассматриваемом деле, во-первых, гражданин представил суду ответ почтовой организации, согласно которому доставка писем до адресатов вообще не производится из-за отсутствия в данном отделении ставки почтальона. Во-вторых, суд не воспользовался электронной почтой для извещения гражданина, несмотря на наличие такой возможности. В результате ненадлежащего использования доступных суду средств связи было нарушено процессуальное право гражданина на обжалование судебного акта. Гражданину стало известно о вынесенном в отношении него судебном акте, когда банк на основании этого акта заблокировал ему счет и направил соответствующую информацию в текстовом сообщении.

Поскольку такого рода споры возникают довольно часто, постольку определение ВС РФ № 305-ЭС25-1701 от 19 июня 2025 г. по делу № А41-93046/2021 вызвало интерес у юридической общественности и было расценено, можно сказать, как прецедент. Тем не менее методы регулирования прецедентного права не соответствуют романо-германской традиции, к которой принадлежит Российская Федерация. Вот как поступил Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в аналогичных обстоятельствах по делу № А56-103920/2024 еще за месяц до вынесения ВС РФ рассмотренного выше определения по делу № А41-93046/2021.

В деле № А56-103920/2024, установив на основании отчета об отслеживании почтового отправления, что временной промежуток между передачей судебного письма почтальону и отметкой о неудачной попытке его вручения адресату составляет четыре минуты, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд направил запрос в акционерное общество «Почта России» о представлении необходимых разъяснений. В определении от 13 мая 2025 г. по делу № А56-103920/2024 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд ссылается на полученный по запросу ответ, согласно которому размещение на сайте Почты России сведений о времени почтовых операций зависит «от особенностей технологического процесса обработки почтовых отправок в ОПС» (определение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 мая 2025 г. по делу № А56-103920/2024). Руководствуясь презумпцией добросовестности Почты России, в

отсутствие доказательств обратного, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в деле № А56-103920/2024 не выявил нарушений при доставке судебного письма и счел уведомление лица надлежащим. В результате в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы по делу № А56-103920/2024 гражданину было отказано.

Обсуждая использование информационных технологий в механизме правового регулирования, интересно обратить внимание на правила, установленные с 2010 г. в части 6 статьи 121 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым арбитражный суд обязан уведомить лицо о судебном разбирательстве только один раз. После этого ответственность за своевременное получение информации о движении дела полностью ложится на самих участников процесса. Основным источником информации, безусловно, является онлайн-сервис Федеральных арбитражных судов «Мой Арбитр».

Правовое воздействие, его предмет и методы эволюционируют вместе с обществом. Традиционная предметно-отраслевая структура права дополняется новыми группами отношений и видов деятельности, нуждающимися в специализированном режиме нормативного воздействия. Группы социальных отношений, схожие по своим юридическим свойствам и требующие особого метода регулирования, постепенно формируются в правовой системе, получают научное обоснование и законодательное закрепление. Таков, надо сказать, исторический путь развития юриспруденции. Право Древнего Рима характеризуется практической направленностью. Его казуистичность проистекала из задачи поиска решений конкретных вопросов и споров о праве, которые возникали в жизни людей. Как и сейчас, юридическое решение должно было быть не только обоснованным по праву, но и логически последовательным, опираться на разработанные еще древнегреческими мыслителями правила аналогии, анализа и синтеза, системного обобщения [2. – С. 140–143; 4. – С. 110–112].

Применяемые в правоведении методы всегда оказывались в зоне особого внимания [6. – С. 43–49; 7. – С. 12; 10. – С. 286]. Обоснование метода воздействия на социальные отношения требует убедительных доводов в пользу его правового характера и эффективности. На выбор методов в юриспруденции влияет и модель правопонимания, которой придерживается автор. Например,

Г. Кельзен делал акцент на формально-логических (догматических) приемах толкования. Представители социологической школы доказывают необходимость применения в праве конкретно-социологических и статистических методов. Несмотря на тесную взаимосвязь права с другими сферами жизнедеятельности общества, методы, разработанные для решения неюридических задач, нуждаются в адаптации для их использования в механизме правового регулирования [11]. Так, из естествознания в государственно-правовой механизм был заимствован эксперимент. За последние несколько лет в правовом пространстве Российской Федерации появился целый ряд нормативных актов, в которых закреплён метод правового эксперимента. В частности, в 2020 г. были приняты федеральные законы «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой».

Отметим, что в учебной литературе методы правового эксперимента, правового прогнозирования, правового моделирования практически не рассматриваются. Между тем их использование требует учитывать два обстоятельства. Во-первых, со времен неокантианцев (XIX в.) юриспруденцию принято относить к идиографическим наукам, для которых важным является понимание и описание не константных и неизменных причинно-следственных связей, не зависящих от воли и сознания индивида, а явлений единичных, уникальных [8], каким и следует признать каждого человека. Во-вторых, еще в начале прошлого столетия в естествознании был поставлен вопрос о необходимости переосмысления методов познания в связи с тем, что, в частности, в физике в некоторых случаях одни и те же факты могут использоваться для подтверждения разных теорий, а одна и та же теория может опираться на разные, иногда отрицающие друг друга, факты. Исследования в области квантовой механики выявили существование ненаблюдаемых объектов и возможность зависимости результатов эксперимента от естествоиспытателя.

Современные разработки в области физики, химии, генетики, биологии, медицины, нейротехнологий показывают, как личная этико-духовная позиция ученого, его культурный код, научное окружение, источники финансирования влияют на постановку задач, формулирование научных

гипотез, выбор исследовательских средств достижения результатов. В то же время юридические исследования убедительно доказывают возможность прогнозирования типичных моделей правомерного и неправомерного поведения, выявления его мотивов и причин. Адаптация методов естествознания для задач в области правового регулирования актуальна с точки зрения интенционального (от лат. *intentio* – стремление) и телеологического (от греч. *telos*, род. п. *teleos* – цель, и *lógos* – понятие, закон, порядок) типов юридически значимого поведения. Не отрицая в принципе существование политико-государственных, юридических, поведенческих закономерностей в социальных отношениях и не принимая научного значения понимания естествоиспытателя, его этического восприятия природных объектов, следует отметить, что, возможно, методологической основой для интеграции методов естествознания в механизм правового регулирования служит гуманистическая составляющая естественнонаучных исследований и правового воздействия.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что воздействие права на социальные отношения тесно переплетено с процессами, происходящими во всех сферах жизнедеятельности. Предмет и методы регулирования, структура нормативно-управляющего механизма отражают сложность и вариативность моделей взаимодействия между субъектами, многообразие видов человеческой деятельности. Методы воздействия на поведение субъекта выкристаллизуются в условиях синергичного сочетания достижений гуманитаристики и естествознания и тяготеют к междисциплинарности.

Предмет воздействия включает в себя, наряду с отношениями, традиционно регулируемые правом, социально значимую активность по освоению природных объектов, разработке и эксплуатации промышленной и транспортной инфраструктуры, различных технологий. В наши дни на первый план выходят информационная и антропо-техногенная сферы, что концептуально требует учитывать в методах правового регулирования достижения в области неюридических дисциплин – социологических, культурологических, психологических, антропологических, герменевтических, лингвистических, кибернетических. Это обогащает правовой инструментарий воздействия на социальные отношения, имеет значение для правотворчества и правопримени-

тельной практики. В то же время существует риск предметного «размывания» границ правовой сферы, слияния юриспруденции со смежными ей областями политического, финансового, нравственного, технического регулирования. Преодо-

ление юридико-регулятивного релятивизма, обеспечение предметной оригинальности правового воздействия возможно на основе системного подхода к структуре и институциональному содержанию нормативно-управляющего механизма.

Список литературы

1. Альчурон К. Э., Бульгин Е. В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. – 2010. – № 2 (СПб., 2011). – С. 309–472.
2. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ : Инфра-М – Норма, 1998.
3. Ван Хук М. Право как коммуникация // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 2 (265). – С. 44–54.
4. Гарридо М. Х. Г. Римское частное право: казусы, иски, институты. – М. : Статут, 2005.
5. Иванников И. А. Проблема обеспечения принципов справедливости и запрета дискриминации в законодательстве // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 9–16.
6. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – М. : СГА, 2003.
7. Матузов Н. И. О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении / под ред. А. В. Малькова, Н. И. Матузова. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007.
8. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки / вступ. ст. Б. В. Маркова. – СПб. : Наука, 1997.
9. Серегин А. В. Источники и формы древнеславянского права // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12. – № 2 (46). – С. 24–35.
10. Сырых В. М. Материалистическая теория права. Избранное. М. : РАП, 2011.
11. Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 31–50.